

ЗИНА КУЗНЕЦОВА

36 ВОПРОСОВ,
ЧТОБЫ
ВЛЮБИТЬСЯ

LIKE
BOOK

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К89

Художественное оформление
Ольги Сапожниковой

В коллаже на обложке использованы иллюстрации:
© ngupakarti, AutumnStudio, Yulia M / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Кузнецова, Зина.

К89 36 вопросов, чтобы влюбиться / Зина Кузнецова. — Москва : Эксмо, 2022. — 256 с.

ISBN 978-5-04-159393-3

Теория гласит: если незнакомцы ответят на 36 вопросов, они обязательно влюбятся друг в друга.

Но семнадцатилетняя Надя Строгановская уверена, что это полная чепуха.

Когда одноклассник предложил Наде принять участие в подобном эксперименте, она, конечно же, отказалась.

К тому же ее напарником в этом деле стал бы любимец всей школы – Дима Декабристов. Сомнительное удовольствие.

Волею судьбы ребятам все же приходится принять участие в исследовании одноклассника.

Убедится ли Надя, что все эти 36 вопросов действительно не сработают, или же школьный эксперимент станет для нее чем-то большим?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159393-3

© Кузнецова З., 2022
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

*Выбирая из всех людей в мире,
кого вы пригласили бы в гости на обед?*

Надя бросила быстрый взгляд на наручные часы, вгляделась в даль и недовольно ударила каблучком о землю.

— Необходимо придумать десятый круг ада для таких, как ты, Семенова, — желая уколоть, сказала Надя, когда светловолосая хорошенькая девочка в школьной юбке не спеша поднялась на крыльцо школы.

Даша Семенова предпочла промолчать. Она никогда не воспринимала всерьез замечания по поводу своих опозданий, честно признавая, что исправляться не планирует, а расстраиваться из-за постоянных замечаний — никакого жизнелюбия не хватит.

— Теперь еще дядю Вову уговаривать, чтоб пустил, обязательно ведь заставит в журнал опозданий записываться, — продолжила Надя.

Даша постаралась сохранить бодрость духа. Ей было не привыкать к педантизму Нади, но с ее резкостью и стремлением к идеалу во всем

мириться почему-то с каждым годом становилось все труднее.

Девочки вошли в школу и остановились около турникетов, на дисплее которых горели красные кресты. Тут же рядом возник высокий мужчина с седой гривой волос.

— Опоздываете, юные леди? — голос школьного охранника был бодрым, как у человека, утро которого прошло удачно, но девочки знали: бодрость духа совсем не означает снисходительность и доброту.

— Дядя Вовочка, впустите, пожалуйста, мы чуть-чуть совсем опоздали, с автобуса бежали, дядя Вовочка, — замурлыкала Даша.

Надя молчала. Роль ласковой кошечки ей никогда не удавалась. Она могла быть любезной и обаятельной, но только не с тем, чей нос от пьянства краснел, как сломанный светофор посреди школьного коридора.

А Даша мурлыкала и мурлыкала. Охранник сначала смотрел насмешливо, видимо, был твердо уверен, что, несмотря ни на что, на опоздание глаза не закроет, но по мере использования Дашей все более ласковых слов лицо дяди Вовы становилось счастливее. «Боже мой, неужели он верит в эти дифирамбы? — подумала Надя, внимательно изучая неопрятный внешний вид охранника. — А ведь точно пил вчера...» Даше удалось бы умаслить дядю Вову, если бы он вдруг не взглянул на Надю и не увидел на лице ее смесь омерзения и презрения.

— Пишите фамилии и свободны, — сухо сказал дядя Вова, вмиг переменившись в лице, и подтолкнул в сторону девочек толстый журнал, в котором фиксировались опоздания. Даша вписала в последние свободные клеточки свою и Надину фамилии.

Быстро стуча каблучками туфель по школьным плитам, девочки поспешили в сторону кабинета.

— Из-за твоего щебетания, Семенова, мы совсем опоздали, — сказала Надя, откидывая назад длинные темные волосы.

— Да брось, Надюш, что страшного-то? Я только не понимаю, что с дядей Вовой случилось, он меня всегда пропускал без этого дурацкого журнала... Теперь еще и выговор завуча выслушивать!

Надя поджала губы.

— Терпеть не могу опаздывать, — только еле слышно проворчала она.

Наконец они добежали до класса на четвертом этаже.

— Стучи ты, а то у исторички уже моя кукла вуду есть, — попросила Даша, чувствуя, как кулак в животе сжал желудок. Она всегда каким-то понятным только самым непунктуальным людям чувством ощущала, что ее опоздание без последствий не обойдется.

— А ты хоть раз в этом полугодии приди вовремя к первому уроку, — съязвила Надя, а потом сделала глубокий вдох, оправила юбку

и оборвала Дашины мольбы о том, чтобы ее не спросили сегодня: — Все, тихо! Стучу.

Тук-тук: «Извините, можно?»

В кабинете уже стояла тишина, все что-то записывали. Кудрявый одноклассник Паша Ларин стоял у доски и быстро водил мелом по ее поверхности. Историчка, настолько старая и сухая, что ребята шутили, что она не историю преподает, а мемуары читает, сидела за учительским столом и контролировала Пашу. Но, как только Надя осторожно вошла в класс, а за ней робко переступила порог Даша, все взгляды устремились на них.

— Строгановская, проходи садись, ты впервые опоздала, а Семенова останется у доски. Сейчас Ларин допишет, и ты дополнишь его ответ.

Надя услышала, как Даша пискнула. Не помогли молитвы.

Когда Надя села за свою парту, дверь снова открылась, и в кабинет с шаблонным: «Извините за опоздание, можно?» вплыл, чуть не впечатавшись в спину Семеновой, Дима Декабристов.

— Там еще кто-то есть? — сухо спросила историчка.

— Где там? — растерялся Дима. — А, нет, я один! — И расслабленно убрал руки в карманы брюк.

Надя раздраженно подумала: «Ну если опоздал, имей совесть, сделай хотя бы вид, что сожалеешь».

В дверь снова постучали.

— О, а это, наверное, Фонарев, его как раз и нет! — сказала историчка так, что никто уже не сомневался, что она жутко разозлилась.

Дверь открылась, и в кабинет вошла классный руководитель. Она с удивлением оглядела всех собравшихся у доски, а потом повернулась к историчке и сказала:

— Лидия Викторовна, Пашу Ларина директор вызывает, отпустите его, пожалуйста, с урока.

Весь класс затаил дыхание от любопытства. Директор? Хорошего Пашу? Зачем? Историчка вздохнула, покачала головой, давая понять, что не одобряет желания директора, а потом с сожалением произнесла:

— Ладно, Ларин, свободен.

— А эти что? — спросила классная руководительница, указывая на Дашу и Диму, пока Паша убирал учебник и тетрадь в сумку.

— Опоздали.

— Ну я с ними потом разберусь, вы не переживайте. И, Лидия Викторовна, — добавила классная руководительница, обернувшись, — Костя Фонарев ногу сломал, мама позвонила, поэтому вы ему «бэ» поставьте.

Дверь закрылась, и Надя открыла учебник, радуясь, что суматоха наконец закончилась и можно спокойно заниматься.

Паша поправил очки и неуверенно сел перед директорским столом.

— Доброе утро, Паша, — улыбнулся директор и стал что-то искать на столе. — Подожди

минутку, я сейчас. Так, это не то... не то... Вот! Посмотри, ознакомься.

Паша взял тоненький журнал и непонимающе посмотрел на заглавие.

— Конкурс?

— Да, для ребят, интересующихся наукой. Ты же у нас в том году в научной конференции по биологии принимал участие? Да-да, принимал. Я подумал, что и это тебе тоже будет интересно...

— На всероссийском уровне, — перебил его Паша, пробежав глазами по первым страницам, — не думаю, что я что-то толковое...

— Да ты подумай немного, не отказывайся сразу. Приз, знаешь, какой? Место в Гарварде, — увидев, что Паша внимательно слушает, директор продолжил: — За участие не бьют, а вдруг победишь. Престижно! Ты подумай, Паша, подумай.

— Что это должно быть? Что я должен предоставить для участия в конкурсе?

— Исследовательскую работу, не менее тридцати страниц. Тема любая, но главное, чтобы естественные науки.

— А срок какой?

— До конца учебного года, конец июня максимум.

Паша вышел из кабинета и подошел к окну. Мысли у него путались: «Шанс действительно великолепный. Гарвард! Но тридцать страниц за два с половиной месяца?! И экзамены еще.

Участие будут принимать ребята куда толковее меня... — Паша запустил руки в волосы. — Да и родители не одобряют».

Ничего до конца не решив, он пошел к кабинету, где будет следующий урок. Прозвенел звонок. Ученики вывалили из классов. Направляясь к своим одноклассникам, Паша полностью погрузился в свои мысли, поэтому не заметил, как случайно задел плечом какую-то девочку.

— Паш, ну больно ведь!

Он остановился, усилием воли заставил себя отвлечься от размышлений и посмотрел на Надю Строгановскую.

— Прости, я неспециально.

— Да я уже поняла! — Она привычным движением перекинула назад темную прядь красивых длинных волос. — Ты вечером сегодня с родителями придешь, или я опять буду единственной свежей кровью?

— Сегодня? — Паша непонимающе нахмурился, а потом вспомнил: — Ты представляешь, забыл совсем. Буду, конечно, куда я денусь... Мать истерику устроит, если я откажусь идти к вам на прием! — Паша не понимал, почему мама так настойчиво таскала его на все мероприятия.

— И Дима будет?

— Понятия не имею.

— Увидимся тогда, — кивнула Надя и пошла дальше.

В элитной гимназии родители многих учеников были знакомы между собой — вели вместе

бизнес или налаживали друг с другом деловые связи, но родителей Паши, Димы Декабристова и Нади еще с институтских времен связывала крепкая дружба. Дружба эта не перешла по наследству их детям, хотя Надя, придумавшая себе красивую картинку, пыталась наладить теплые отношения с мальчиками, но ничего не вышло: они выросли слишком разными. Теперь ребята иногда перекидывались несколькими фразами на всех родительских мероприятиях и практически не общались вне их.

Вернувшись после уроков домой, Паша бросил сумку в коридоре и прошел на кухню, где его младшая сестра Лиля пила чай.

— Где все? — спросил он.

— Мама в салоне, готовится к приему, а папа работает в кабинете, просил к нему не лезть, — отозвалась Лиля, лениво переворачивая страницу глянцевого журнала.

— А лазанью кто готовил? Мама? — Паша недоверчиво покосился на аппетитное блюдо.

— Что ты, нет конечно! Тетя Галя.

— Это хорошо.

Последнее время маму тянуло к домашнему очагу, она даже несколько раз самостоятельно готовила ужин, который вся семья, старательно улыбаясь, пыталась проглотить быстро, чтобы не почувствовать вкуса. А тетю Галю мама наняла, чтобы та помогала ей по дому. Простая, милая женщина хорошо готовила и не изобра-

жала из себя заботливую бабушку, чем вполне устраивала хозяйских детей.

Паша принялся за еду, а Лиля молча листала журнал. Вдруг шелест страниц прекратился.

Паша доел, оставил грязную посуду на столе (тетя Галя уберет) и встал, чтобы приготовить чай. Пока ждал, когда закипит вода, бросил взгляд на журнал через плечо сестры.

— «36 вопросов, чтобы влюбиться», — прочитал он название статьи, которая так заинтересовала Лилю. — У тебя что, гормоны заиграли? Кому собралась допрос с пристрастием устраивать?

— Да отстань ты, — нетерпеливо отозвалась сестра.

Паша в молчании пил чай и размышлял, принимать участие в конкурсе или даже пытаться не стоит.

«Может, если удастся победить, родители перестанут считать мое увлечение наукой бесперспективным? — думал он. — Участвовать? Нет? И если все-таки решаться, то какую тему брать?»

Задумавшись, он не услышал, как сестра несколько раз позвала его по имени, очнулся, только когда Лиля нетерпеливо кинула в него конфеткой.

— Чего тебе? — буркнул он, разворачивая фантик прилетевшей сладости.

— Пашка, вот ты же много знаешь... Скажи, а это может быть правдой?

— Что?

— Ну эти 36 вопросов... Влюбиться получится?

Сначала Паша хотел рассмеяться, а потом вдруг задумался.

— Вообще-то, ты знаешь, влюбленность — это очень сложный химико-биологический процесс, который протекает в мозгу. Гипоталамус...

— Фу, какая скука! Ты как-нибудь попроще можешь ответить?

— Да, теоретически можно. Только очень много факторов должно сойтись.

— Какие, например?

— Ну как минимум потенциальную пессию должен одобрить твой социальный мозг. В твоей голове есть представления об общественных нормах, воспитании, заложены какие-то принципы и идеалы. Человек должен подходить под те критерии, которые заложили в тебе общество и культура. Не вступишь же ты в африканского дикаря, у которого через нос косточка продета! У вас разные представления о культуре, эстетике и о многих других важных вещах. Он просто не соответствует твоим представлениям, твоим нормам... Эти вопросы, — становясь с каждым словом задумчивее, продолжал Паша, — как я понимаю, затрагивают очень личные моменты и позволяют создать между двумя людьми ощущение привязанности, вырабатываются дофамин и окситоцин...

— Ску-у-ука! — протянула сестра.

— Погоди, — Паша мотнул головой и убежал в коридор, где бросил сумку, вытащил первую попавшуюся тетрадь, ручку, вернулся на кухню и стал что-то записывать. Через несколько минут он остановился и поднял голову: — Лилька, это может быть правдой, вполне. Надо проверить! Проверить!

— Чего ты обрадовался-то так? Чай сейчас разольешь от восторга.

— Лилек, я придумал, понимаешь, придумал тему!

— Какую тему?

Но Паша уже не слышал сестру. Он ушел к себе в комнату, закрылся и принялся листать учебники по биологии, стараясь найти как можно больше информации о работе мозга. Уже и не думал он про экзамены, нехватку времени и неодобрение родителей, только научный интерес и азарт владели им.

Надя чувствовала, что ноги ее дрожат от напряжения, но продолжила все так же технически идеально поднимать ногу, обтянутую в белую ткань колготок.

— Раз, два, три — и закончили, — разносилось по зеркальному залу.

Все девочки с облегчением вернули ногу в первую позицию.

— Сделаем плие и можете быть свободны, — сказала Ольга Николаевна, худая высокая женщина, к спине которой словно всегда была привязана палка.

По залу пронесся жалобный вздох. Даже Надя, которая не позволяла себе канючить и выпрашивать отдых, бросила быстрый взгляд на настенные часы. Уже больше двух часов они занимаются, и сил совсем не осталось.

— Раз, два, три... Вострокнутова, попу втяни, не оттопыривай... Раз, два, три, четыре... Салахова, куда ты поднимаешься? Еще в гранд-плие сидим! Терпите, терпите! Вот теперь медленно... Медленно, я сказала, Салахова, поднимаемся. Спины держим! — наконец девочки услышали: — Давайте на поклон, и отпускаю вас на сегодня.

Надя осторожно шла на трясущихся от напряжения ногах, боясь запнуться о свои же пятки. В раздевалке она с облегчением достала множество шпилек из головы и позволила свободолобивым волосам распасться так, как им хочется.

— Ольга Николаевна сегодня озверела, что ли? — говорили девочки, снимая балетные чешки.

— Два часа статики и напряжения на ноги. Да они у меня даже в лежащем состоянии трясутся! Смотрите! — сказала Настя Салахова.

Надя стянула с себя танцевальный купальник, быстро влезла в джинсы, футболку и плащ.

— Пока, девочки, увидимся, — бросила она.

— До завтра, Надюш, — неслоь ей в спину, пока дверь не захлопнулась.

Во дворе балетной школы Надя огляделась в поисках маминой машины, но, к своему неудовольствию, увидела папину. Стараясь не запнуться об асфальт из-за усталости, она дошла до автомобиля и села на заднее сиденье.

— Садись поближе, пообщаемся хотя бы, — бодро сказал папа.

Надя демонстративно пристегнулась:

— Не хочу.

Папа ничего не ответил, только поджал губы. Мама всегда говорила, что у них с Надей этот жест одинаковый.

— Как позанималась?

— Нормально.

— Устала?

— Да.

— Надюш...

— Мама где?

— Готовится к мероприятию, ты же ее знаешь, все должно быть идеально.

Надя отвернулась к окну и стала следить за пролетающими мимо домами, улицами, деревьями.

Когда автомобилем заехал на подземную парковку, папа заглушил двигатель и, не разблокировав двери, повернулся к Наде.

— Слушай, так больше нельзя! Что мы как неродные? Больше трех слов у нас в диалоге не бывает. Я тебя, Надя, люблю. Мне не нравится происходящее. Что случилось?

— Мне тоже много чего не нравится.

— Например?

Надя серьезно посмотрела в красивые, полные жизни и харизмы глаза отца, но ничего не ответила.

— Пап, дверь открой. Мне к вечеру готовиться, а я еще после тренировки не помылась даже.

Когда блокировка была снята, Надя вышла из машины и, едва переставляя перенапряженные ноги, постаралась быстрее дойти до лифта. Видимо, отцу тоже не хотелось погружаться в атмосферу неловкого и злого молчания, потому что он нарочно задержался в машине подольше, и в квартиру на лифте Надя поднималась в одиночестве.

Надя склонила голову к плечу и оглядела себя в зеркале. «Как я хороша!» По телу тут же разлилось приятное и знакомое тепло, которое обычно ощущает каждая девушка, сознавая свою привлекательность.

Когда она спустилась вниз, все гости уже собрались. Женщины в вечерних, но сдержанных и элегантных платьях стояли рядом с мужчинами в костюмах, пили шампанское, которое разносили специально нанятые для вечера официанты, и переговаривались.

Надя огляделась. Пока искала взглядом родителей, увидела Пашу Ларина и всю его светловолосую кудрявую семью.

— Добрый вечер! — улыбнулась им Надя.

— Добрый вечер, Надюш, прекрасно выглядишь, — ответила за всех Пашина мама. Сам Паша быстро кивнул.

«Неужели так сложно быть любезным и вежливым?» — подумала Надя, но ее недовольство быстро прошло, когда она подошла к маме и подставила ей свое личико для поцелуя.

— До чего ты хороша, солнышко. — Мама нежно приложила ладонь к Надиной щеке, а потом приобняла ее за плечи. — Пойдем, новые гости приходят, нужно поздороваться, а то бедный папа там один любезничает.

Обнимая друг друга за плечи и талии, они подошли к Декабристовым, с которыми говорил папа. Родители стали обсуждать что-то свое, а Надя обратилась к Диме.

— Привет!

— Да, привет. — Он даже не удосужился посмотреть на нее вежливые несколько секунд, пока длилось приветствие, сразу стал оглядываться.

Надя посмотрела на его уставшее лицо и неряшливую одежду и в который раз за сегодняшний вечер подавила волны раздражительности. Какое-то время она слушала разговор взрослых, прижимаясь к теплому маминому боку, но уставшие на танцах ноги скоро снова затряслись, как струны гитары, которые случайно затронули, и она, извинившись, ушла в спокойный уголок рядом с распахнутым балконом

и села там в кресло, стряхнув с ног босоножки на тоненьком каблучке.

Сегодня мама хотела помочь отцу завести новые знакомства, которые будут полезны в его строительном бизнесе. Надя родилась уже после того, как фирме отца стали доверять государственные крупные объекты, поэтому она слабо представляла, как жили родители до достатка, но бабушка всегда рассказывала, что они обитали в старом общежитии и, преданные друг другу, стремились к своим целям. Мамины мечты всегда были менее амбициозны, чем папины. «Она-то просто хотела рисовать и семью хорошую, о славе не мечтала. Это и хорошо, ты представляешь, что было бы, если бы в семье было два павлина? А так все гармонично: он добивается, а она верит и поддерживает», — говорила бабушка. Надя с тоской вздохнула. Накатила тихая грусть: «Мама лучше всех на свете, неужели он этого не понимает?»

Рядом кто-то кашлянул, и Надя быстро натянула босоножки. Паша неловко и даже сконфуженно сказал:

— Я помешал тебе, наверное? Хотел немного позаниматься...

Надя подняла бровь в изумлении, заметив в руках одноклассника какой-то блокнот и ручку.

— Ты уроки делаешь, что ли?

— Нет. — Он запнулся, а Надя подумала, как можно быть таким нелепым. — Не уроки... это так... Тебе будет неинтересно.

Надя с удовольствием встала бы и ушла, но ногам, с которых она снова сбросила босоножки и которые подставила прохладному воздуху с балкона, было так хорошо, что она не нашла в себе силы присоединиться к гостям.

Паша сел в кресло рядом и стал что-то сосредоточенно и увлеченно писать, казалось, он совсем забыл, что не один.

— О! Народ, и вы тут...

Дима прошел мимо них напрямик к распахнутому балкону и достал сигарету.

— У нас не курят, — недовольно сказала Надя.

— Я даже не в квартире нахожусь, — равнодушно отозвался Дима, демонстративно делая шаг к перилам.

Сидели молча, только шелест листов под Пашиной ручкой нарушал тишину, но вдруг и он прекратился. Паша поднял голову и задумчиво посмотрел на темное небо за балконом.

— Об этом я не подумал, — буркнул он себе под нос расстроено.

И снова молчание. Только теперь Наде казалось, что Паша посматривает на нее. «Да что уставился?» — смущенно подумала она. Потом Паша снова повернулся к балкону.

— Паш, ты на мне дыру проглядишь, — донесся до Нади Димин голос.

— А вы, ребята, в каких отношениях? — спросил Паша.

— Ни в каких, — вразнойбой ответили Надя и Дима.

— Я имею в виду, вы не общаетесь, не дружите? Нет?

Надя покачала головой, а Дима вообще ничего не ответил.

Паша пощелкал ручкой, а потом сказал:

— А не хотите в моем эксперименте поучаствовать? Мне нужно два человека — парень и девушка — для конкурса научных и исследовательских работ...

— Паш, давай живее, — сказал Дима. Он докурил и ушел с балкона. Надя сморщила носик — терпеть не могла запах сигарет, а от Димы несло за километр.

— Я хочу, чтобы вы ответили друг другу на эти тридцать шесть вопросов. — Паша достал из кармана журнальные страницы, сложенные в несколько раз: — Хочу проверить, изменятся ли что-то в ваших отношениях.

— Это что, из девчачьего журнала? — усмехнулся Дима, забрав у Паши листочки.

— Не важно... — А потом чуть увереннее добавил: — Это не важно, мне только нужно, чтобы вы ответили на эти вопросы.

— «36 вопросов, чтобы влюбиться...» — с насмешкой в голосе прочитал Дима.

Надя с любопытством вытянула шею.

— Дай посмотреть, — попросила она.

Когда Дима протянул ей журнальную статью, она быстро пробежалась по вопросам и резко сказала:

— Нет уж, спасибо.

— Я тоже воздержусь, — кивнул Дима, — делать мне больше нечего.

— Ну вы подумайте, это же много времени не займет...

— Так, ладно, я пошла... — Надя с сожалением втиснула отдохнувшие ноги в босоножки и вышла к гостям.

«Влюбиться в Декабристова, этого еще не хватало! Какой ерундой Паша занимается! И что за вопросы такие? Может, им еще мой личный дневник дать почитать?» — подумала она, а потом выбросила из головы произошедшее и присоединилась к родителям.

Глава 2

*За 4 минуты расскажи партнеру историю
твоей жизни настолько подробно, насколько
это возможно.*

Надя наклонилась и завязала на лодыжке ленточки туфель.

— У тебя везде балетные мотивы, — улыбнулась мама, вышедшая в коридор в шелковом пеньюаре с чашкой кофе в руках.

— Красиво? — Надя покрутилась.

— Очень.

— Я побежала тогда.

Мама подошла поближе, чтобы закрыть за Надей дверь.

— А ты сегодня во сколько домой? — спросила она, пока Надя ждала лифт.

— У меня тренировка целую вечность длится, думаю, что в семь или восемь вечера.

— Значит, у меня сегодня день и полвечера от вас свободны.

Надя поджала губы:

— А папа что?

— Работает допоздна, какой-то срочный гос-проект. Мне вас с ним так жалко, трудитесь оба

как пчелки... — Двери лифта открылись. — Ладно, пчелка моя, хорошего тебе дня. — Мама poslала Наде воздушный поцелуй.

Спускаясь на первый этаж, Надя старалась вернуть себе самообладание, но после разговора с мамой руки ее похолодели, а в горле встал ком.

Весна залила хмурое Надино лицо яркими, вовсю греющими лучами солнца. Апрель в этом году особенно удался. По сухому асфальту уже стучат каблучки женских туфель, вместо шапок волосы покрывают легкие шелковые платочки, а плащ почти никогда не надо застегивать.

Но Надя не могла ощутить радость. Погруженная в свои думы, она прошла мимо дворника, забыв вежливо пожелать ему: «Доброе утро», как она обычно делала.

До школы Надя добралась быстро, как ей показалось. Она часто ходила пешком, гимназия располагалась в центре города, недалеко от Надиного дома, но иногда, особенно в суровые холода, она просила папиного водителя довезти ее. Общественный транспорт Надя предпочитала любить издалека. Иногда было забавно запрыгнуть с друзьями летом в последний трамвай, но в обычные дни трезвый Надин взгляд отмечал все недостатки подобного способа передвижения.

У школьных ворот Надю окликнула Даша.

— Боже мой, неужели ты сегодня вовремя?

— Как вовремя? Ты чего, Надюш, звонок через минуту!

— Как через минуту? Неужели я так медленно шла! — Надя бросила быстрый взгляд на наручные часы, которые раньше принадлежали папе и которые она выпросила у него, как только сумела оценить, как хорошо они смотрятся на ее маленькой ручке. — Бежим!

Но миновать дядю Вову и турникеты с красными крестами на дисплее не получилось. Сначала охранник хотел впустить Дашу, но, увидев вбегающую следом за ней Надю, нахмурил брови и велел им снова записаться в дневник опозданий. Надя только высокомерно подняла бровь: чего еще, кроме детской обидчивости, ожидать от пьющего человека?

Учителя в классе не было. Ребята гудели.

— А где? — удивленно спросила Надя, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Классная заходила, сказала, что химик заболел, просила посидеть тихо, потом идти на следующие уроки, — ответил одноклассник, оторвавшись от телефона.

— И чего, спрашивается, бежали, только волосы спутались, — сказала Даша и бросила сумку на парту.

Надя села на свое место и повернула голову к окну. Хорошее настроение к ней не возвращалось.

— Ты такая задумчивая была, когда я к тебе подошла. Расскажешь? — Даша тронула Надино плечо, и когда та повернулась к ней, улыбнулась.

— Ничего особенного.

Надя не любила откровенничать. Она была из тех людей, кто все держит в себе. «На людях нужно вести себя достойно, а сопли и слезы уже наедине с собой», — всегда думала Надя. Иногда, конечно, она делилась своими тревогами с мамой, но уж точно никогда не позволяла лезть себе в душу школьным подружкам. К Даше Семеновой Надя серьезно не относилась. Общались они до сих пор только потому, что когда-то в пятом классе их вместе посадили, и сейчас Наде просто было лень искать в школе новую компанию. Даша, решила Надя, неплохой вариант, если не хочется постоянно быть одной. Надя не подпускала Дашу близко из-за легкомысленности и отвратительной непунктуальности.

— Надюш, если тебя что-то беспокоит, я могу выслушать. Каждому человеку хочется, чтобы его хоть кто-нибудь внимательно послушал.

Надя не знала, куда деться. Судя по всему, Даша была серьезно настроена узнать причину Надиной грусти, а учитель, как назло, на урок не придет. Отбиваться оставшиеся сорок минут от вопросов одноклассницы Наде, погруженной в свои мысли, не хотелось, поэтому она, увидев кудрявую макушку Паши Ларина, сидевшего на первой парте и что-то писавшего, сказала:

— Вчера у родителей гости были, Паша тоже приходил. И, представляешь, предложил нам с Димой, — здесь Надя автоматически поискала

глазами Диму, но не нашла, видимо, он прогуливал, как в последнее время делал часто, — поучаствовать в каком-то его эксперименте. Знаешь теорию про тридцать шесть вопросов? Если ответить на них, то влюбишься в человека, который их тебе задал.

— И что?

— Говорю же, Паша предложил нам с Димой задать друг другу эти вопросы, чтобы проверить теорию.

— Погоди, какому Диме? Нашему Диме Декабристову?

— Да. Я отказалась.

Даша рассмеялась.

— Конечно, ты отказалась. Декабристова ты не будешь способна полюбить, даже если в тебя зальют три литра приворотного зелья.

— Почему это я не способна? — обиделась Надя.

— Ты ни за что не сойдешь со своего пьедестала ради абсолютно неидеального Димки. Ты не прощаешь никому слабости, ошибки и недостатки, Надюш, а Декабристов кишит всем этим, как Нил крокодилами.

— Я не такая! И не стою ни на каком пьедестале.

— Стоишь-стоишь, признай, прямо как холодная статуя Венеры. Ты посмотришь на парня, только если он полубогом будет — идеальным во всем.

— Это звучит отвратительно, как будто я какая-то высокомерная и непонятно что о себе возомнила.

Даша перестала улыбаться:

— Ты не обижайся, Надь, я же не хотела тебя задеть, я пошутила! — И она сникла, поняв, что перешла черту.

Надя совсем забыла про утренний разговор с мамой, который ее так расстроил, и думала теперь только о Дашиных словах. Протест поднимался в ее груди: «Конечно, я не такая. Я просто хочу окружать себя самыми достойными людьми!» Но что-то внутри подло наводило на мысль о школьном охраннике, который в общем-то ничего плохого никогда Наде не делал, но она отчего-то всегда презирала его за пьянство. «Потому что алкоголизм — это мерзко, вот и все. Нет никакого пьедестала, никакая я не холодная. Не статуя я».

Когда прозвенел звонок и старшекласники вытекли из кабинета, Надя подошла к отставшему от всех Паше.

— Привет, — сказала она, когда он, удивленно приподняв брови, посмотрел на нее и продолжил убирать в сумку книги. — Слушай, по поводу твоего предложения — я об эксперименте, тридцать шесть вопросов...

— Да? — Паша подхватил не влезающие в портфель книги так, что толстые учебники доходили ему до подбородка.

— В общем, — Надя удивилась косноязычности своей речи. — Короче говоря, я не против поучаствовать.

— Правда? Спасибо большое, Надь! Ты не представляешь, как это важно!.. — Продолжая в том же восторженном духе говорить с Надей, Паша сделал шаг в сторону двери, совсем забыв, что она захлопнута.

Бам! И книги ударились о пол. Паша стоял, потирая лоб.

В который раз Надя удивилась его неловкости и нелепости. Она помнила, что в детстве Паша был куда обаятельнее и даже очки никогда не портили его, но сейчас он словно утратил всю непринужденность, которая окружала его в ранние годы. Остались только серьезность, замкнутость и стеснение, которое Паша всегда старался скрыть излишней молчаливостью.

Вместе они присели, чтобы собрать книги.

— Спасибо, Надь, — раздосадованный своей неуклюжестью и не зная, куда деть глаза, сказал Паша.

— Не за что, — улыбнулась Надя и поспешила выйти из кабинета.

Дима постучал в дверь квартиры.

— Да-да? Кто там?

— Доставка, — ответил Дима.

Дверь открылась, и он обомлел. На пороге с небрежно убранными волосами, кутаясь в те-

плюю кофту, стояла Верочка Рублева из параллельного класса.

Она прищурилась — узнала!

— Ой, привет! Ты же из Одиннадцатого «а»?

Дима и рад бы ответить, что она обозналась, да в школе, когда пересекутся, получится неудобно.

— Да, я. Привет!

Стараясь держать лицо, он протянул ей заказ.

— Оплата по карте?

— Да.

В подъезде связь с банком была плохая, и, пока ждали, когда спишутся деньги и вылезет чек, Верочка сказала:

— Надо же, ты работаешь!

Дима быстро взглянул на нее. Осуждения или снисхождения в ее взгляде он не увидел — только вежливый интерес, но Дима расстроился, что именно она стала свидетелем его подработки.

— Независимости захотелось, поспорил с предками, что сам себе на новый айфон зарабатываю, — сказал он как можно более непринужденно.

— Понятно...

— А ты живешь здесь, да? — спросил и сам мысленно съязвил: «Нет, в гости пришла, придурок».

— Да, живу, переехали сюда недавно.

Наконец медленно выехал чек.

— Ну пока, — сказал Дима, одновременно мечтая покончить с этой пыткой и не желая отрываться от прекрасных, теплых Верочкиных глаз.

Верочка улыбнулась ему, и дверь захлопнулась.

Спускаясь в лифте, Дима вдруг подумал, что она может разболтать в школе о его работе.

«Ладно, — решил он, — если что, буду всем говорить то, что и ей сказал: мол, с родителями поспорил, независимости захотелось».

Дима зевнул. За всю эту неделю он спал всего лишь по четыре часа в день. Чтобы заработать нормальную сумму, приходилось постоянно работать на доставке, куда его взяли только благодаря папиному другу, да еще экзамены подбирались все ближе и ближе. Дима разрывался между учебой и необходимостью зарабатывать, и, как следствие, страдала именно учеба. «Тупость какая, — сам над собой горько смеялся Дима, — работаю, чтобы оплатить учебу, которую и прогуливаю ради этой работы».

Ночью, когда Дима вернулся домой, у дверей его встретила мама. За последние несколько месяцев из-за всех переживаний и неудач, выпавших на долю их семьи, она сильно сдала. Раньше хитрость ее была красивой, аристократичной, а сейчас стала просто болезненной и какой-то даже холодной. В какой ситуации Дима ни обвинял бы маму: была она в теплом свитере или

пила горячий чай, — он всегда ощущал только лед.

— Милый, ты голодный? — спросила мама.

— Не очень.

— Попей хотя бы чаю, я сделала твой любимый шоколадный торт.

— Хорошо, — улыбнулся Дима, — чай попою.

Дима прошел в ванную, помыл руки. На кухне он с сожалением оглядел убогую обстановку новой квартиры, на которую хватило оставшихся денег.

— Отец где?

— На встрече. Вчера у Строгановских он познакомился с одним человеком, пытается заключить с ним контракт.

Мама поставила перед Димой чашку горячего чая и большой кусок торта и села напротив.

— Ты совсем не отдыхаешь, — сказала она, нежно проведя рукой по Диминым синякам под глазами. — Дорогой мой, и сдалась тебе эта гимназия! Давай мы переведем тебя в государственную школу. Сможешь учиться и не работать.

— Мам, мы уже это обсуждали. Я там всех знаю, это последний год. И образование там одно из лучших, смогу поступить в хороший вуз на бюджет.

— Ты себя загонишь...

— Осталось несколько месяцев потерпеть, мам, переживу.

— Может быть, мне стоит найти еще работу...

Мама работала искусствоведом и организовывала выставки. Раньше, когда все было хорошо, она называла это «профессией для души». Те деньги, которые она получала, мама тратила только на себя, и это казалось приемлемой, приятной суммой, а сейчас она в ужасе хваталась за голову, стараясь придумать, как бы еще урезать расходы, чтобы ее зарплаты хватило на все бытовые нужды.

— Не говори ерунды, — Диму всегда раздражали пустые разговоры, не ведущие ни к каким результатам. Если бы мама действительно хотела, уже давно нашла бы вторую и третью работу, а не начинала бы робкий разговор на эту тему. Но Дима давно смирился с тем, что мама — хрупкий цветок, который надо оберегать, иначе стебель сломается. «Он уже почти переломился», — с досадой подумал Дима, когда мама протянула руку, чтобы пододвинуть сахарницу поближе, и он увидел ее практически прозрачное запястье, которое обвивали, как змейки, синие венки.

После ужина уже в своей комнате Дима открыл электронный дневник, чтобы посмотреть домашние задания, и случайно взгляд его упал на поле, подсвеченное красным. Три двойки по истории. «Чертово ископаемое! Ведь за прогулы поставила!» — разозлился Дима, а потом открыл учебник, чтобы прочитать то, что пропустил, и с ужасом осознал, что уже не понимает контекст эпохи, не улавливает сути из-за того, что не посещал уроки. «Нет-нет, надо просто

прочитать, что было до этого...» — он пролистал на несколько глав назад, но, стоило ему приступить к событиям более ранним, как он не мог вспомнить и то, что случилось до этого. В ужасе Дима понял, что весь год практически не вслушивался в слова преподавателя. Отчаяние и страх, в несколько раз усиленные ночью за окном и усталостью, накатили на него одной большой волной. «Как же я экзамен по истории сдам? Я же даже репетитора не нанял, считал, что с помощью школы и сам смогу подготовиться...» Расстроенный мрачными перспективами будущего, Дима положил голову на стол и закрыл глаза. Сквозь дремоту он услышал, как хлопнула входная дверь и мама тихо спросила отца: «Ну что?» Последовавшее за этим вопросом расстроенное молчание похоронило в Диме надежды на то, что все наладится, и он погрузился в тревожный сон.

На следующее утро, наскоро перекусив бутербродами, Дима поспешил в школу. Хотел переговорить с историчкой до начала уроков.

— Лидия Викторовна, можно?

Он заглянул в класс и увидел, что учительница снимает уличную обувь и надевает ту, в которой ходила в помещении: видимо, только что пришла.

— Да! — Быстрым движением она задвинула уличную обувь под стол.

— Я по поводу двоек. Как я могу их исправить?

Поправив очки, которые, как микроскоп, в несколько раз увеличивали ее строгие глаза, она уткнулась носом в потрепанную тетрадочку, в которой проставляла все оценки (тогда как вся гимназия уже давно перешла на электронные дневники).

— Декабристов, что же ты с такой исторической фамилией так отстаешь? — Дима счел вопрос риторическим и промолчал. — Хорошо ведь учился, а тут — раз и... Бери пример с Паши Ларина, золотая голова у мальчика!

Дима вспомнил предложение Паши и усмехнулся. Золотая голова, а занимается такой ерундой. Надо же, проверять, можно ли влюбиться за 36 вопросов, делать ему нечего.

— Напишешь мне три контрольных на темы, которые пропустил. Все сразу. Через две недели у меня будет на это время.

Дима кивнул, поблагодарил и вышел из кабинета. Как же за две недели выучить такой объем материала? Да и вообще, до экзаменов всего ничего, нужно бы в принципе предмет подтянуть. Подойдя к своим одноклассникам и с бодрой улыбкой ответив всем на приветствие, Дима увидел темную головку Нади Строгановской, и в голове его снова всплыл недавний разговор: «Что там сказала историчка, Паша хорош в ее предмете?» Пришедшая в голову идея показала Диме интересной, и, когда учитель разрешил всем зайти в класс, он подсел к Паше Ларину и сказал:

— Эксперимент не отменил?

— Хотелось бы провести.

— Короче, я согласен, но в обмен на твою помощь. Мне нужно подтянуть историю.

Паша нахмурился:

— У меня у самого миллион дел...

— Ну на нет...

Дима собирался встать, когда Паша все-таки сказал после минутного колебания:

— Ладно, хорошо! Я помогу тебе, будем вместе готовиться, но не филонь и не ерничай во время эксперимента!

— Забились, — обрадовался Дима и бросил быстрый взгляд на Надю. «Красивая, конечно, но холодная, как статуя...» — подумал он.

Глава 3

В твоей семье отношения теплые и близкие?

Надя натянула черные колготки и поправила юбку. Из зеркала на нее смотрела темнобровая девушка в школьной форме, только подчеркивающей юность ее обладательницы. В столовую Надя вошла бодрым шагом.

— Доброе утро!

Мама сделала глоток из своей кружки и улыбнулась:

— Доброе, солнышко.

Надя посмотрела на папу, ответившего ей взглядом человека, день которого не задался и который уже везде опоздал:

— Тебя подвезти? — спросил он, на ходу одновременно отхлебывая кофе и стараясь затянуть галстук.

— Нет, я сама, пешком, — ответила Надя, завороченно наблюдая, как мама встает и, смеясь над обычным для утра ворчанием отца, помогает ему с галстуком.

— Уже двадцать лет ты их носишь, а все никак не можешь сладить. — Мама положила руки отцу на грудь.